

и там и тут основная масса военных поселенцев были выходцами из крестьян, но, в отличие от Запада, императорская власть на Востоке, по мнению К. Н. Успенского, начиная с VII в. не перестает сосредоточивать свое внимание на устройстве крестьянского сословия, ибо ей крайне необходимо сохранить этот класс населения как основного плательщика налогов и пополнений армии¹⁰⁷.

Переходя к вопросу о положении крестьянства в Византийской империи VII—VIII вв., К. Н. Успенский опять с большой настойчивостью и прямолинейностью проводит свои общие методологические концепции, прежде всего идею «эволюционизма», отрицания каких-либо коренных сдвигов, перемен в истории Византии. Этой основной идее подчинена у него трактовка вопроса не только о положении византийского крестьянства, но и тесно связанная с этой темой проблема с л а в я н с к о й к о л о н и з а ц и и. К. Н. Успенский начисто отрицает существование коренного переворота, «пропасти», как он выражается, между крепостным (колонатным) состоянием римских колонатов IV—V вв. и положением свободного византийского крестьянства VII—VIII вв., объединенного в общины. Именно для подкрепления теории плавного непрерывного развития и понадобилось К. Н. Успенскому вслед за Б. А. Панченко объяснить поход против славянской колонизации, которая, по его мнению, неправомерно рассматривалась в науке как источник крупных перемен, повлекших за собой коренные изменения в общественном строе Византии¹⁰⁸.

К. Н. Успенский решительным образом выступил против господствовавшей в его время теории Цахариз фон Лингентала — В. Г. Васильевского о привнесении славянами общины в Византию и о воздействии общинных отношений славян на весь социальный строй империи¹⁰⁹. К. Н. Успенский прямо утверждал, что вопрос о положении земледельческого класса в Византии является «фальшиво освещенным, особенно в работах наших византологов, главным образом им и занимавшихся»¹¹⁰. Свое «опровержение» теории Лингентала — Васильевского К. Н. Успенский, естественно, начал с отрицания значительности масштабов славянской иммиграции в Византию, утверждая, что размеры славянских поселений были якобы крайне преувеличены в русской науке¹¹¹.

Не без влияния немецкой и греческой националистической историографии (Гопф, Герцберг, Папаригопуло и др.), К. Н. Успенский (как, впрочем, и А. А. Васильев и Ю. Кулаковский) пытается пересмотреть данные византийских источников (Прокопия, Иоанна Эфесского, Евагрия, Исидора Севильского, «Бревиария» Никифора, хроники Феофана, трудов Константина Багрянородного и др.)¹¹² с целью доказать, что славяне в Греции «оказалось слишком мало, чтобы они сделались здесь господствующей этнографической силой»¹¹³. Совершенно правильно заявив, что в вековом споре о масштабах славянской колонизации Византии «истина лежит посредине»¹¹⁴ и надо воздерживаться от крайностей, сам автор волей-неволей в угоду своей общей концепции все же склоняется на сторону тех ученых, которые явно преуменьшали размеры славянской иммиграции. Он полагает, что *никаким образом нельзя говорить о заселении значительной территории империи славянами, а тем самым и о привнесении ими нового*

¹⁰⁷ Там же, стр. 152.

¹⁰⁸ Там же, стр. 153—154.

¹⁰⁹ Там же, стр. 158.

¹¹⁰ Там же, стр. 153.

¹¹¹ Там же, стр. 154.

¹¹² Там же, стр. 158—161.

¹¹³ Там же, стр. 161.

¹¹⁴ Там же, стр. 158.